

Романчук А.А. Топоры-кельты, серпы и культуры Резной Керамики раннего гальштата Карпато-Поднепровья

Основные идеи статьи были изложены в: Романчук А.А. Культурно-хронологическое и генетическое соотношение ранних групп КРШК // Сохранение культурного наследия в странах Европы: материалы конференции. Кишинев. – 2009. - С. 53-56

В этой работе я хотел бы рассмотреть категорию изделий, которые ранее не привлекал к анализу проблемы генезиса КРШК – а именно, металлические изделия раннего гальштата, и конкретно – бронзовые топоры-кельты и серпы.

Прежде всего, я имею в виду тип, который традиционно определяют как «кельты с трапециевидными фасками, орнаментированные вертикальными параллельными нервюрами». Ранее О. Г. Левицкий высказался (не предлагая аргументации, правда) в пользу того, что кельты с трапециевидными фасками, орнаментированные вертикальными параллельными нервюрами, в Карпато-Поднепровье соотносятся с культурой Кишинев-Корлатень, относящейся к культурной общности т. н. «каннелированного гальштата» (Levički 1994: 121-122).

Однако в последние годы появился ряд работ, которые пытаются связать распространение этого типа топоров-кельтов в Карпато-Дунайском регионе в эпоху раннего гальштата с продвижением носителей КРШК с Нижнего Дуная на север.

Я имею в виду ряд прекрасных работ В. А. Дергачева, а также Е. Ушурелу (Дергачев 1997; Дергачев, Бочкарев 2002; Dergacev 2002: 167-169; Uşurelu 2003; Uşurelu 2006). Аналогичную идею, хоть и мельком, высказала и М. Т. Кашуба (Кашуба 2000: 327).

Итак, В. А. Дергачев, рассматривая металлические изделия Карпато-Дунайского региона и Северного Причерноморья эпохи поздней бронзы – раннего гальштата, обошел вниманием те типы бронзовых кельтов и серпов, которые можно было бы связать с культурами Сахарна-Солончень и Козия. Но отметил, что «сугубо предварительно, по данным металлических изделий истоки этих культурных групп (Сахарна-Солончень и Козия – А. Р.) обнаруживаются в памятниках центральных районов Северной Болгарии, в носителях Вырбицкого очага металлообработки. Эти истоки выявляются по весьма ограниченной, но достаточно выразительной серии изделий... По ряду признаков они, вне сомнения, восходят к традициям Вырбицкого очага металлообработки, хотя и сочетают в себе ряд специфических элементов, свойственных трансильванским традициям» (Дергачев 1997: 58) В качестве примера он называет одноушковые кельты, орнаментированные вертикальными параллельными нервюрами. Орнаментация этих кельтов восходит к Вырбицкому очагу, а наличие ушка связывает их с трансильванской традицией.

Заметим в скобках, что на этом основании, а также потому, что эти типы изделий представлены и в Трансильвании, В. А. Дергачев предположил, что движение носителей КРШК шло с Нижнего Дуная не напрямик, вдоль Карпат, а через Юго-Восточную Трансильванию.

Подходя в более поздней работе к вопросу с большей осторожностью, В. А. Дергачев все же снова повторил этот тезис. По его мнению, кельты, орнаментированные вертикальными параллельными нервюрами, на территории Болгарии следует атрибутировать “Schtempelverzirten Keramik (nach V. Hänsel)” (Dergacev 2002: 168).

Идеи В. А. Дергачева были развиты и продолжены Е. Ушурелу (Uşurelu 2003, 2006). В своей докторской диссертации (научным руководителем которой являлся В. А. Дергачев), Е. Ушурелу указывает, что на Нижнем Дунае топоры-кельты, орнаментированные вертикальными параллельными нервюрами, соотносятся с ареалом Радовану, Сихляну, Тэмэоань, Бабадаг I-II и Северо-Болгарской группы КРШК (Uşurelu 2006: 21). В начале же

На В1 они проникают в Карпато-Поднестрие вместе с носителями «культуры Козия-Сахарна» (Uşurelu 2006: 25).

Гипотеза о связи топоров-кельтов данного типа с КРШК, однако, не учитывает ряда фактов, ее опровергающих. Я постарался изложить их в недавно вышедшей работе (Романчук 2009).

На мой взгляд, тип топоров-кельтов с трапециевидной фаской, орнаментированных вертикальными параллельными нервюрами, в Карпато-Поднестрие был принесен представителями каннелированного гальштата – культурой Кишинев-Корлатень.

Ниже я попытаюсь аргументировать этот тезис еще раз, на новом уровне, дополняя и уточняя сказанное ранее.

Начнем с того, что зададим себе вопрос: кто реально были носителями традиций Вырбицкого очага металлообработки в эпоху раннего гальштата?

Ответ на этот вопрос достаточно непрост. Как отмечает I. Czyborra: “Für den nordbulgarischen Raum sah Hänsel keine Möglichkeiten einer Gruppenbildung, weder für die frühe, noch für die klassische Phase der stempelverzierten Keramik, zu sporadisch war der Fundstoff” (Czyborra 2005: 9).

Возможно, именно поэтому в более поздней, совместной с В. С. Бочкаревым работе В. А. Дергачева – фундаментальном труде, посвященном бронзовым серпам Восточной Европы поздней бронзы, по поводу серпов типа Вырбица указывается, что «К сожалению, ничего конкретного нельзя сказать о возможной культурной принадлежности серпов этого варианта» (Дергачев, Бочкарев 2002: 274).

Однако зато В. А. Дергачев и В. С. Бочкарев смогли путем картографирования очертить достаточно четко ареалы изделий как Вырбицкого очага металлопроизводства, действовавшего в эпоху раннего гальштата, так и другого нижнедунайского, более раннего – Дичевского очага эпохи поздней бронзы (Дергачев 1997: 82-84; Дергачев, Бочкарев 2002: 272-274). Так, «серпы варианта Дичево и в количественном отношении и по плотности местонахождений концентрируются преимущественно в Низовьях правого и левого берега Дуная, где они отчетливо соотносятся с ареалом поздних фаз культуры Тей и ареалом культуры Кослоджень» (Дергачев, Бочкарев 2002: 273). Причем происхождение и производство серпов типа Дичево по их мнению, следует связывать с ареалом и носителями «главным образом культуры Кослоджень». То есть, Мунтения и Добруджа – вот ареал очага Дичево.

Что же касается серпов типа Вырбица, распространившихся в На А1, то по сравнению с серпами типа Дичево «их ареал явно смещен к западу» (Дергачев, Бочкарев 2002: 274).. И местом их производства авторы полагают треугольник Вырбица-Градешница-Русе в Северной Болгарии. По их мнению, «подобное заключение полностью согласуется с общей тенденцией пространственной эволюции Дичевского очага металлопроизводства, который на этапе перехода к раннему гальштату смещается несколько на запад – из Нижнего Подунавья и Добруджи – в центральные районы северной части современной Болгарии».

Действительно, этот вывод полностью подтверждается и привлечением к анализу кельтов типа Вырбица (Дергачев 1997: 82-83; Dergacev 2002: 167-169, taf.123).

В целом, это привело В. А. Дергачева к выводу, что Дичевский очаг металлообработки, и, соответственно – культура Кослоджень, оказали чрезвычайно сильное влияние на формирование и развитие Вырбицкого очага еще в позднем бронзовом веке (Дергачев 1997: 50), В На А1 же, полагает он, культура Кослоджень прекращает свое существование в Добрудже и Мунтении, ее носители частично отступают к западу, в центральные районы

Северной Болгарии и принимают активное участие в дальнейшем функционировании Вырбицкого очага.

Основываясь на этом, В. А. Дергачев связывает функционирование Вырбицкого очага в позднем бронзовом веке с носителями культуры Зимнича-Пловдив (Дергачев 1997: 50). Так ее обычно именуют румынские исследователи, западные же предпочитают другое название – группа Черковна (Cerkovna-group) (Krauss 2006: 18).

Правда, заметим в скобках, что ряд исследователей вообще сомневается в справедливости выделения данной культуры – как бы ее ни именовать. По их мнению, в качестве основания для выделения культуры Черковна (Зимнича-Пловдив) использовались керамические формы, которые обычны для всей территории Болгарии в эту эпоху (Стоянов, Ников 2003: 34). Ниже мы еще вспомним об этот очень интересном моменте.

Пока же, отталкиваясь от традиционных представлений о начале культур Сахарна-Солончень и Козия, заметим, что нас должен интересовать в первую очередь период На А- На В.

Однако и здесь существует ряд сложных вопросов.

Как следует из недавно опубликованных работ, Северо-Западная Болгария все еще остается для этой эпохи достаточно «темным пятном» (Czyborra 2005: 278, map 134; 279, 281). Источники все еще достаточно скудны.

Тем не менее, определенные шаги в этом отношении уже сделаны. В результате было предложено выделение культуры Зимнича-Новград (Gumă 1995: 135, pl. XVIII). Именно Зимнича-Новград, очевидно, и занимала основную часть территории Северо-Западной Болгарии в период На А- На В1.

Помимо Зимнича-Новград, здесь следует упомянуть и культурную группу Хинова-Мала Врбица. Она занимала зону Железных Ворот, и в том числе - часть территории Северо-Западной Болгарии (Gumă 1995: 135, pl. XVIII). Топоры-кельты рассматриваемого типа распространяются и в ареале группы Хинова-Мала Врбица.

Наконец, нельзя обойти вниманием здесь и культурную группу Сборяново (Czyborra 2005: 11, 173) Хотя она относится уже к Классической Фазе КРШК Болгарии (Czyborra 2005: 123, abb. 69), и занимала район современного Разграда (то есть, это уже скорее Северо-Восточная Болгария). Но, заметим, Сборяново непосредственно граничила с ареалом распространения на территории Болгарии топоров-кельтов с трапециевидной фаской, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами. И, кроме того, именно Сборяново была упомянута в связи с проблемой происхождения погребального обряда культуры Сахарна-Солончень (Кашуба 2000: 286-287). Действительно, погребальный обряд Сборяново, как и Зимнича-Новград – ингумация.

Итак, возможно ли, чтобы эти культуры вместе, или одна из них могли стать предками культур Сахарна-Солончень и Козия?

Что касается группы Хинова-Мала Врбица, то здесь вопрос прост – она относится к культурам «каннелированного гальштата». А как насчет Зимнича-Новград и Сборяново?

Культура Зимнича-Новград полагается «радикально отличным образованием в сравнение с прочими культурными группами» (т. е., «группами каннелированного гальштаат») (Gumă 1995: 109), прежде всего благодаря своему погребальному обряду.

Тем не менее, для Зимнича-Новград базовый тип орнамента керамики – это каннелюры в виде аркад и зигзагов. А базовый керамический тип – это черпаки усеченно-конической и «полусферической» формы (Alexandrescu 1978: 117-119; Gumă 1995: 131, pl. XIII). По словам А. Александреску, «каннелюры являются постоянным видом орнаментации»

для черпаков Зимнича-Новград (Alexandrescu 1978: 117). Согласно же М. Гумэ, черпаки Зимнича-Новград аналогичны черпакам из Vajuga – памятника, который относится ко второй стадии развития группы Хинова-Мала Врбица (Gumă 1995: 110).

Поэтому, представляется, что Зимнича-Новград, при всем ее своеобразии – это тоже культура каннелированного гальштата. Сама А. Александреску сопоставляла керамику Зимнича-Новград прежде всего с такими культурами каннелированного гальштата, как Выртоп, Мери, Сусани (Alexandrescu 1978: 119).

Между тем, напомним, в Сахарна-Солончень каннелюр практически отсутствует, а в Козия – очень редок. Уже поэтому, не говоря о прочих характерных особенностях керамического ансамбля Зимнича-Новград (прежде всего черпаках типа Хинова-Мала Врбица), невозможно предположить участие Зимнича-Новград в генезисе Сахарна-Солончень, равно как и Козия.

Что же касается Сборяново, то это еще очевиднее.

Хотя Сборяново традиционно определяется как часть культурной общности КРШК, каннелюр является одним из основных, если не доминирующим типом орнамента керамики Сборяново (Гоцев, Шалганова 2004: 60-61; Czyborra 2005: 173). Помимо того, основным керамическим типом Сборяново является т. н. «кантарос» (Czyborra 2005: 99-101). Равно как, кстати, и Зимнича-Пловдив (Alexandrescu 1973: 77-78, 81) – ниже мы еще на этом остановимся.

Тип «кантарос» не имеет аналогий ни в Сахарна-Солончень, ни в Козия.

Поэтому, допустить, что Сборяново, равно как и Зимнича-Новград, могли стать источником погребального обряда для КРШК – все равно, что допустить, что какой-либо человек, выйдя погулять, забыл дома половину туловища.

Итак, кажется наиболее правдоподобным, что традиции Вырбицкого очага металлообработки, и в частности, традиция топоров-кельтов с трапезиевидной фаской, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, была принесена в Карпато-Поднестровье представителями «каннелированного гальштата». Это могли быть как раз представители группы Хинова-Мала Врбица. Именно группа Хинова-Мала Врбица внесла очень весомый вклад в генезис культуры Кишинев-Корлатень (Gumă 1995: 108). И, мы наблюдаем еще ряд металлических изделий, появление которых в Карпато-Поднестровье, видимо, следует связывать с приходом носителей Хинова-Мала Врбица. По крайней мере, это двуспиральные смычковые фибулы. На мой взгляд, картографирование находок фибул этого типа, произведенное в недавно вышедшей прекрасной работе М. Т. Кашуба (Kasuba 2008: 213, abb.18), и показавшее наличие четкого кластера в районе Железных Ворот, подтвердило это еще раз.

Вопрос о браслетах с рифлением (даже если считать их височными кольцами), остается для меня пока неясным, поскольку ранее аналогии таковым М. Т. Кашуба видела как раз в кладе Хинова (Кашуба 2000: 348). Не пытаюсь пока решать этот вопрос, замечу, что мне кажется странным и другое обстоятельство. А именно то, что как раз в той части Приальпийской зоны, где картографирование показало достаточно четкий (и единичный) кластер «височных колец» (Kasuba 2008: 213, abb.18), полностью отсутствуют как односпиральные, так и двуспиральные смычковые фибулы (Kasuba 2008: 209, abb.15). Отсутствуют в ареале «височных колец» и другие типы ранних фибул (Kasuba 2008: 215, abb.19). Исключение составляет одна находка фибулы типа Posamenterie и три находки, не поддающиеся идентификации.

Впрочем, надеюсь, что в будущем эти вопросы удастся уточнить, вернемся к вопросу о проникновении традиций Вырбицкого очага в Карпато-Поднестровье.

Существует еще одно доказательство в пользу того, что топоры-кельты с трапециевидной фаской и орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами, были принесены в Карпато-Поднестровье носителями каннелированного гальштата.

Как следует из картографирования В. А. Дергачева, топоры-кельты с трапециевидной фаской и орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами, распространялись в трех основных ареалах. Это – центральная и западная часть Северной Болгарии; Карпато-Поднестровье; и, наконец, очень значительная масса находок в Трансильвании - в ареале культуры Гава (Dergacev 2002: 167-169, taf.123), Культура Гава, как известно, тоже относится к общности «каннелированного гальштата».

Помимо того, чрезвычайно важно, что топоры-кельты с трапециевидной фаской и орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами представлены двумя вариантами. Первый из них – безушковые топоры-кельты. Второй, соответственно – одноушковые.

В Болгарии, за единичными исключениями, распространялся именно безушковый вариант. В Трансильвании же и Карпато-Поднестровье – одноушковый (Dergacev 2002: 168, taf.123). А также одноушковый вариант представлен и в ареале группы Хинова-Мала Врбица. То есть, тот вариант топоров-кельтов с трапециевидной фаской и орнаментированных вертикальными линиями, который распространился в Карпато-Поднестровье, в Северо-Западной Болгарии практически отсутствует. Основными же его носителями, если оставить пока открытым вопрос о Карпато-Поднестровье, были именно представители «каннелированного гальштата».

Право, в этой ситуации логичнее считать, что и в Карпато-Поднестровье этот тип топоров-кельтов был связан тоже с «каннелированным гальштатом».

Кроме того, ясно, что в Карпато-Поднестровье, как и в Трансильванию, топоры-кельты с трапециевидной фаской, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами, проникают не собственно с территории Болгарии. И, напомним, что В. А. Дергачев считает, что одноушковые топоры-кельты с трапециевидной фаской, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами – это результат синтеза традиций Вырбицкого очага и трансильванских (Дергачев 1997: 58; Dergacev 2002: 168).

Где происходил этот синтез? Можно предположить, что именно в районе Железных Ворот, в том числе в ареале Хинова-Мала Врбица.

Продолжая, замечу, что и картографирование находок топоров-кельтов этого типа в Карпато-Поднестровье хорошо соответствует как раз ареалу Кишинев-Корлатень, и плохо – Сахарна-Солончень и Козия (Dergacev 2002: taf. 123; Uşurelu 2003: 212, fig. 1).

Лишь одна находка происходит из ареала Сахарна-Солончень (Матеуцы). Далее, два экземпляра происходят из округа села Ружиноаса (долина Сирета). Согласно Е. Ушурелу, эти находки были «необоснованно атрибутированы кладу Ружиноаса» (Uşurelu 2003: 214). Напомним, клад Ружиноаса датируется На А1 и относится к культуре Кишинев-Корлатень (Leviţki 1994: 145).

Так это или не так, но Ружиноаса – поселение культуры Кишинев-Корлатень

(Leviţki 1994: 76). И вокруг Ружинноаса отсутствуют поселения Козия (Кашуба 2000: 256, рис. III). Более того, всего лишь четыре поселения Козия имеются в долине Сирета.

А именно из долины Сирета происходят семь находок топоров-кельтов этого типа (Uşurelu 2003: 212, fig.1). Это около 30% от их общего числа в Карпато-Поднестровье.

Во времена же Кишинев-Корлатень долина Сирета была достаточно плотно заселена (Leviţki 1994: 177, fig.1).

Далее, всего четыре находки происходят из района максимальной концентрации поселений Козия – междуречья Бырлада и Жижики (район, весьма плотно заселенный и во времена Кишинев-Корлатень). Тогда как регион между Прутом и Реутом, где практически отсутствуют поселения Козия или Сахарна-Солончень, дал еще семь находок.

Думается, эта картина свидетельствует в пользу Кишинев-Корлатень.

Вместе с тем, все же нуждается в дальнейшем уточнение вопрос о времени проникновения топоров-кельтов этого типа в Карпато-Поднестровье. Поскольку их датировка за пределами Карпато-Поднестровья достаточно широка.

Так, в Северо-Западной Болгарии они датируются начиная с На А1 (Dergacev 2002: 169; Uşurelu 2003: 214). В Трансильвании, Банате, юго-восточной Сербии и Воеводине они появляются тоже еще в На А1 (Dergacev 2002: 168; Uşurelu 2003: 214-217).

Но затем этот тип продолжает существовать в Трансильвании в течение На А2, На В1, На В2 и даже На В3 (Dergacev 2002: 169).

Представляется, однако, что здесь может помочь привлечение к анализу серпов типа Вырбица – они тоже проникают в Карпато-Поднестровье (Дергачев, Бочкарев 2002: 272, таб. 31), но весьма редки здесь.

Впрочем, они редки и собственно в ареале Вырбицкого очага – причиной тому их сравнительно непродолжительное существование.

Серпы типа Вырица датируются значительно уже - На А1 преимущественно (Дергачев, Бочкарев 2002: 274). Правда, в другом месте своей работы В. А. Дергачев и В. С. Бочкарев указывают, что “The Vyrbica variant was mainly used during На А and partly На В periods” (Дергачев, Бочкарев 2002: 346).

Но, в отличие от топоров-кельтов, серпы типа Вырбица появляются в Карпато-Поднестровье в достаточно четком культурном и хронологическом контексте. Два экземпляра происходят из клада Негрешть, и обломок серпа – с поселения культуры Ноуа

(Дергачев, Бочкарев 2002: 268, 269). Клад Негрешть тоже атрибутируется культуре Ноуа (Дергачев 1997: 25; Petrescu-Dîmbovița 1977: 31, 76).

Итак, количество вопросов увеличивается. Должны ли мы предположить, что серпы и топоры-кельты типа Вырбица проникают в Карпато-Поднестровье в разное время? Или же, одновременно – и, тогда еще во время существования культуры Ноуа?

Полагаю, что ключ к ответу может дать анализ состава клада Негрешть (Petrescu-Dîmbovița 1977: 76, pl.84).

Согласно типологии топоров-кельтов и серпов В. А. Дергачева, клад Негрешть содержит: два экземпляра кельтов типа Негрешть, три экземпляра топоров-кельтов типа Ружиноаса, два серпа типа Вырбица и один серп «типа Германешть, варианта Илишень».

Тип Негрешть топоров-кельтов был выделен В. А. Дергачевым (Дергачев 1997: 25; Dergacev 2002: 137-138, taf. 109). Этот тип распространялся в кладах периода Вг D в Карпато-Поднестровье, а в Трансильвании, за редким исключением, в кладах На А.

Впрочем, в Карпато-Поднестровье экземпляр кельта типа Негрешть был обнаружен и в кладах Жижики (Dergacev 2002: 138; Şadurschi 1989: 177, fig.4). Этот клад относят к На В1 (Dergacev 2002: 169; Uşurelu 2003: 214). Правда, В. А. Дергачев считает эту находку исключением из правила, и более поздним деривативом от типа Негрешть – с аналогиями в кладах На А из Олтении, Трансильвании и Мунтении (Дергачев 1997: 25). Е. Ушурелу тоже указывает на аналогии этому кельту в кладах Пленица в Олтении (На А2), а также Козла и Петрошница в Банате (На А1-На А2) (Uşurelu 2003: 214).

Как бы то ни было, представленность кельтов типа Негрешть в кладях На А1 в Трансильвании вне сомнений.

Серпы варианта Илишень являются самым поздним из вариантов типа Германешть и доминируют в кладях периода На А1 в Карпато-Поднестровье (Дергачев, Бочкарев 2002: 226, 234-236).

Кельты типа Ружиноаса характерны главным образом для кладов периода Вг D в Карпато-Поднестровье, но имеется одна находка и в кладе времени На А1 (клад Илишень). В Трансильвании же этот тип существует опять-таки дольше - в течение На А и даже На В частично (30 кладов и более чем 90 экземпляров этого типа) (Dergacev 2002: 145).

И, наконец, два экземпляра серпов типа Вырбица – типа, как было указано выше, датирующегося На А1. В. А. Дергачев и В. С. Бочкарев подчеркивают, что, по сравнению с более ранними серпами типа Дичево, «малые серпы – вариант Вырбица, происходят только из кладов На А1» (Дергачев, Бочкарев 2002: 262).

Таким образом, все это склоняет к тому, чтобы и весь клад Негрешть датировать временем На А1. И что серпы и топоры-кельты, восходящие к традициям Вырбицкого очага металлопроизводства, распространяются в Карпато-Поднестровье одновременно - в первой половине На А1, когда культуру Ноуа сменяет Кишинев-Корлатень (см: Дергачев, Бочкарев 2002: 236).

Заслуживает внимания здесь и то, что в Мунтении и Добрудже топоры-кельты с трапезиевидной фаской, орнаментированные вертикальными линиями, появляются позже – лишь в На В1 (Uşurelu 2003: 214-217). Причем они весьма редки, и относятся к варианту олднуошковых (Dergacev 2002: taf. 123); то есть, это не «болгарский вариант».

А серпы типа Вырбица не обнаружены в Мунтении и Добрудже вообще (Дергачев, Бочкарев 2002: 272, map 31). Это не только подтверждает идею В. А. Дергачева о Трансильвании как пути проникновения этого типа в Карпато-Поднестровье (Дергачев 1997: 58). Более того, мы можем предположить, что и в Мунтению и Добруджу этот тип проникает с севера, из Трансильвании, или даже из Карпато-Поднестровья

Последнее предположение требует рассмотрения и вопроса о взаимоотношениях Вырбицкого центра металлопроизводства с рядом ранних групп КРШК на Нижнем Дунае.

Действительно, отмечается, что находка литейной формы происходит с поселения Радовану (Uşurelu 2003: 216). Именно «аспект Радовану» (или «поздняя фаза Кослодженъ», как обозначают его многие исследователи), предлагается в качестве предка КРШК - как на Нижнем Дунае, так и в Карпато-Поднестровье (включая такие группы как Балта, Холеркань-Ханска, Тэмэоань). Поэтому, находка литейной формы в Радовану используется как доказательство того, что ранние группы КРШК унаследовали традиции Вырбицкого очага металлопроизводства (Uşurelu 2003: 217).

Прежде чем идти далее, здесь следует сделать короткое отступление. Ряд других металлических изделий были обнаружены как в Радовану, так и в Зимнича-Новград и Тэмэоань (Alexandrescu 1978: 120; Gumî 1995: 110). Это бронзовые ножи с загнутым острием. Но, ножи этого типа явно представляют собой традицию, восходящую к Центральной Европе (Laszlo 1986: 76; Dergacev 2002: 178, taf. 130). То есть, это влияние с третьей стороны как для Радовану и Зимнича-Новград, так и для Тэмэоань.

Итак, возвращаясь к литейной форме с поселения Радовану, замечу – она, очевидно, свидетельствует об определенных связях Радовану и Вырбицкого очага металлопроизводства. Далее, именно влияние со стороны Зимнича-Пловдив на Радовану послужило С. Моринцу основанием для обозначения Радовану в качестве фазы «Кослодженъ III» или «поздней Кослодженъ» (Dobrinescu 2005: 204; 2008: 10). Действительно, Радовану,

как и другое поселение Кослоджень – Кэсчиоареле, демонстрирует заметное влияние со стороны Зимнича-Пловдив (Palincaş 1997: 252). Оно проявляется в значительном присутствии характерных для Зимнича-Пловдив «кантарос» и ряда других типов керамики на этих поселениях. Более того, Н. Палинкаш полагает, что Кэсчиоареле является поселением Зимнича-Пловдив. И, «можно ожидать, что и Радовану следует относить к культуре Зимнича-Пловдив» (Palincaş 1997: 252).

Итак, влияние со стороны Зимнича-Пловдив на Радовану очевидно. Но, не менее очевидно, что керамический ансамбль Зимнича-Пловдив (с таким базовыми типами, как «кантарос» и «аско-образные кувшины» (Alexandrescu 1973: 77-78, 81)), существенно отличается от керамического ансамбля ранних групп КРШК (см.: Laszlo 1986; Leviţki 1994a; Ванчугов 1983; 1993).

Поэтому, каковы на самом деле взаимоотношения Радовану и ранних групп КРШК?

Последнее десятилетие принесло значительное количество свидетельств того, что Кослоджень существовала вплоть до На А2 и была частично синхронна даже культуре Бабадаг (Irimia 2001; Vernescu 2004; Dobrinescu 2005; 2008). Полагаю, что это требует по крайней мере проверки устоявшихся представлений о направлении культурных влияний.

Так, мы должны иметь в виду, что керамика Кослоджень, как правило, не-орнаментирована. «Балканские элементы» («кантарос» и «аскос») в керамическом ансамбле Кослоджень «отличаются от своих прототипов отсутствием орнаментации» (Dobrinescu 2008: 15). Более того, и «кантарос» Зимнича-Пловдив «в основном не орнаментированы» (Alexandrescu 1973: 78). Последнее верно и для других керамических типов Зимнича-Пловдив.

В тех же случаях, когда керамика Зимнича-Пловдив все же орнаментирована резным орнаментом (Krauss 2006: 20, abb. 10; 22, abb. 11), этот орнамент зачастую существенно отличается от достаточно простого, бедного и скромного стиля орнаментации ранних групп КРШК (см.: Ванчугов 1983: 92-93, рис. 3, 4; Ванчугов 1993; Laszlo 1986: 90, fig. 12; Leviţki 1994a: 231-232, pl.14-17).

Думаю, здесь стоит напомнить и о том, что в Южной Болгарии еще в Alada-Phase появляются и штампованная орнаментация керамики (зубчатый штамп, или т. н. «псевдошнуровой орнамент») и «клетчатая штриховка» (Czyborra 2005: 109, abb.59). В следующем периоде, Frühphase, к этому добавляется еще и S-видный штамп (Czyborra 2005: 113, abb. 61; 116, abb. 62). Начало Alada-Phase относится еще к 12 в. до Р. Х. (Czyborra 2005: 123, abb. 69).

Это важно отметить потому, что и «кантарос» и «аскос» в культурах позднего бронзового и раннего железного века на Нижнем Дунае представляет собой результат влияния с юга (Leahu 1978: 68; Czyborra 2005: 68, abb. 14). Для ранних же групп КРШК Карпато-Поднестриевья (и Балта, и Холеркань-Ханска, и Сихляну) все это нехарактерно – ни зубчатый штамп, ни «клетчатая штриховка», ни тем более S-видный штамп.

Напротив, мотивы резной орнаментации, характерные для ранних групп КРШК (в том числе в виде косозаштрихованных треугольников), появляются в Северном Причерноморье еще на ряде поселений культуры Сабатиновка (Черняков 1985: 73-83; Ванчугов 1993: 29)..Хоть и сравнительно редкие, эти свидетельства не становятся от этого менее важными.

Здесь следует также отметить, что в культуре Кослоджень мотивы резной орнаментации, помимо Радовану, отмечены на таких поселениях, как Ульму, Доробанцу, Султана (Morintz 1978: 126-139). И именно для этих поселений Кослоджень отмечается и сильное влияние культуры Сабатиновка (Morintz 1978: 150; Irimia 2001: 184; Dobrinescu 2008: 9).. Прочитав: «керамика некоторых поселений Кослоджень в Мунтении (Ульму, Доробанцу, Султана) имеет четкие аналогии в культуре Сабатиновка» (Irimia 2001: 184).

Кстати сказать, мотивы резной орнаментации как в Радовану, так и в Ульму, Доробанцу и Султана (на всех этих поселениях они тоже очень редки, и явно представляют собой периферийный элемент), лишь частично совпадают с мотивами резной орнаментации, характерными для ранних групп КРШК и представленными также на керамике некоторых поселений Сабатиновки. Небезынтересно, на мой взгляд, и то, что написал в свое время С. Моринц, характеризуя резной орнамент поселения Ульму. Указывая на нехарактерность такого орнамента для Кослодженъ, он пишет: «относительно орнаментации и особенно заштрихованных треугольников, аналогии им мы находим в культуре Костиша» (Morintz 1978: 135).

Итак, заметим в скобках, опять Костиша (см.: Романчук 2003, 2009).

Помимо резной орнаментации, следует указать и на черпаки с возвышающейся ручкой. Они редки в культуре Кослодженъ и полагаются спецификой т. н. фазы «Сабатиновка-Кослодженъ» (т. е., тех же Ульму, Доробанцу и Султана) и результатом влияния из Северного Причерноморья (Dobrinescu 2008: 10). При этом К. Добринеску объясняет присутствие таких черпаков на ряде поздних поселений Кослодженъ тем, что имела место своего рода «консервация» традиций фазы «Сабатиновка-Кослодженъ» на периферии ареала культуры Кослодженъ.

Замечу, что и первооткрыватели культуры Кослодженъ считали черпаки с возвышающейся ручкой и выступом на перегибе ручки очень редкими в этой культуре. И аналогии им С. Моринц и Н. Анджелеску видели именно в культуре Сабатиновка (Morintz, Angelescu 1970: 407).

Действительно, И. Т. Черняков привел целый ряд памятников Сабатиновки, где представлены черпаки с выступами на перегибе ручки (Черняков 1985: 69-83). В Белозерской же культуре «по сравнению с сабатиновским временем количество черпаков резко сократилось» (Ванчугов 1993: 36). И, В. П. Ванчугов считал черпаки более характерными для группы Балта, чем для Белозерской культуры (Ванчугов 1990: 74, Ванчугов 1993: 36).

Чрезвычайно интересно здесь обратить внимание на ряд работ Я. Личардуса и соавт., в которых обрисовывается очень значительное влияние со стороны Северного Причерноморья, а именно культурного блока Сабатиновка-Ноуа-Кослодженъ на памятники поздней бронзы Юго-Восточной Болгарии. При этом Я. Личардус и его коллеги полагают, что имела место даже миграция носителей Сабатиновка-Ноуа-Кослодженъ в северо-восточную часть Эгеиды (Lichardus, Iliev, Christov 1999: 110). Впрочем, здесь опять-таки лучше процитировать. Рассматривая эпоху поздней бронзы Юго-Восточной Болгарии, они пишут: «... выделяются две линии развития этой территории. Первая связана с фазой Асеновец, с характерными сосудами, украшенными прочерченным и накольчатым орнаментом, а также типичными ручками “Wishbone”. Вторая линия связана с фазой Пловдив-Черковна, в которой прочерченный орнамент сочетается с пластически орнаментированными сосудами и формами, характерными для комплекса Сабатиновка-Кослодженъ-Ноуа. Первая, более ранняя фаза, по времени соответствует существованию Кастанас IV, Трое VI – поздней и Трое VIIa, вторая же, в свою очередь, соответствует завершающей стадии Кастанас IV, Кастанас V и Трое VIIb» (Lichardus, Echt, Iliev, Christov 2003: 184). И, следует отметить еще и то, что аналогии северопричерноморским формам керамики Пловдив-Черковна авторы видят именно в «младшей», поздней фазе Сабатиновка-Ноуа-Кослодженъ (Lichardus, Echt, Iliev, Christov 2003: 150).

Таким образом, мне представляется, что те элементы керамического ансамбля Радовану, которые используются как свидетельство участия аспекта Радовану в генезисе КРШК, при современном состоянии вещей уместнее объяснять как результат влияния со стороны КРШК на Радовану. Или же, это может быть опять-таки влияние с третьей стороны (как это уже было отмечено выше для бронзовых ножей).

Уместно в этой связи указать, что ряд керамических типов группы Балта, которые ранее считались свидетельством влияния с Нижнего Дуная, на деле появляются в группе Балта в результате воздействия со Среднего Дуная, из культур «каннелированного гальштата» (Levički 2000: 182). Это влияние со Среднего Дуная на культуры Северного Причерноморья началось еще в позднесабатиновское время и ряд «гальштатских типов» культуры Белозерка был унаследован ею из Сабатиновки и поздней Ноуа (Levički 2000: 183-188). Равно как еще к сабатиновскому времени восходит и традиция домостроительства населения группы Балта (Vancigov 1996: 290; Черниенко 1993: 40).

Возвращаясь к металлическим изделиям, мы должны вспомнить и очень важный вывод В. А. Дергачева. «...что принципиально важно, с «исчезновением» культуры Кослоджень и распространением на ее месте культуры Пре-Бабадаг или Бабадаг I, в Низовьях Дуная полностью утрачиваются выработанные здесь на протяжении позднего периода бронзы местные традиции металлопроизводства» (Дергачев 1997: 50). Заметим!

Из этого ясно следует, что носители Пре-Бабадага и вообще ранних групп КРШК на Нижнем Дунае не только не унаследовали традиции Кослоджень в металлообработке, но и, видимо, стали причиной этого разрыва традиции. Считать после этого Радовану или иные «поздние проявления Кослоджень» предком ранних групп КРШК кажется странным.

В целом же, что касается собственно проникновения металлических изделий Вырбицкого и Дичевского очагов в Карпато-Поднестровье и Северное Причерноморье, то, как следует из анализа В. А. Дергачева, для эпохи поздней бронзы, для блока культур Сабатиновка-Кослоджень-Ноуа, характерна «достаточно свободная циркуляция типов изделий» (Дергачев 1997: 37). Так что, например, серпы типа Дичево и кельты типа Ойнак из Дичевского очага металлообработки проникают на восток вплоть до Днепра (Дергачев 1997: 82, 84). И наоборот, северопричерноморские типы кельтов и серпов в эпоху поздней бронзы проникают даже в ареал культуры Зимнича-Пловдив.

С переходом к раннему железному веку картина связей Нижнего Подунавья и Северного Причерноморья резко меняется. Происходит «почти полное прекращение связей» (Дергачев 1997: 16), если судить по металлическим изделиям. Как следует из карт В. А. Дергачева, ни северопричерноморские типы не проникают на Нижний Дунай, ни, наоборот, нижнедунайские – в Северное Причерноморье (Дергачев 1997; Дергачев, Бочкарев 2002; Dergacev 2002).

Тем не менее, обращаясь к территориальному распределению некоторых северопричерноморских топоров-кельтов периода На А - На В1, мы наблюдаем очень любопытные закономерности. Так, В. А. Дергачев по поводу типа Кардашинка пишет, что его ареал соотносится в целом с ареалом Белозерской культуры. При этом литейные формы концентрируются в Нижнем Поднепровье (где его, очевидно, и изготавливали). А готовые изделия – в Киевском Поднепровье и в западной части Белозерской культуры (Дергачев 1997: 13).

На самом деле, как следует из карт В. А. Дергачева (Дергачев 1997: 83, карта 5; Dergacev 2002: taf. 101), кельты типа Кардашинка образуют три четких пространственных кластера. Первый – это Киевское Поднепровье, второй - Нижнее Поднепровье. И, наконец, это очень компактный кластер на Нижнем Днестре («вариант В» типа Кардашинка, по В. А. Дергачеву).. Именно этот третий кластер («на правом берегу Днестра» (Dergacev 2002: 118)) представляет для нас наибольший интерес. Он расположен на пересечении ареалов памятников Белозерской культуры и памятников одной из ранних групп КРШК – группы Холеркань-Ханска ((см: Levički 1994a)).

Более того, сравнивая эту картину с территориальным распределением памятников Белозерской культуры в Карпато-Днестровском регионе (т. н. «варианта Тудорова»), мы видим, что подавляющее большинство памятников варианта Тудорова Белозерской

культуры концентрируются в районах, прилегающих к Нижнему Дунаю, между Нижним Дунаем и рекой Сарата (Vancigov 1996: 289, abb.2). Другая группа памятников варианта Тудорово располагается ближе к Днестровскому лиману. И лишь шесть поселений и могильник варианта Тудорово совпадают с Нижнеднестровским кластером кельтов типа Кардашинка.

Но из этих шести по крайней мере такие как Калфа, Кошница, Погребя 3 и Погребя 5 характеризуются наличием и керамики Холеркань-Ханска (Levițki 1994a: 220-221). И в более поздней работе О. Г. Левицкий относит эти памятники к числу памятников Холеркань-Ханска (Levițki 2000: 180).

Здесь мы должны иметь в виду, что памятники Холеркань-Ханска ранее относились к числу памятников Белозерской культуры (см: Levițki 1994a: 220). И аналогичная точка зрения существовала (или все еще существует) по поводу группы Балта (Vancigov 1996).

Поэтому, напрашивается вывод, что Нижнеднестровский кластер кельтов типа Кардашинка совпадает именно с ареалом группы Холеркань-Ханска.

И, вдобавок к кельтам Кардашинка другой северопричерноморский тип кельтов – Завадовка, также представлен в ареале Холеркань-Ханска (Дергачев 1997: 14; Dergacev 2002: taf. 101).

Помимо того, литейная форма типа Кардашинка («вариант А», по В. А. Дергачеву) была обнаружена на левом берегу Днестра (Красный Маяк), можно сказать – по направлению к группе Балта. И здесь важно отметить, что Красный Маяк – мастерская, «которая определенно относится к ... Северо-Молдавскому очагу» металлообработки, который располагался на восточной периферии культуры Ноуа, и помимо ноуасских изделий изготавливал и вещи, относящиеся к культуре Сабатиновка (Дергачев 1997: 47-48). Причем этот центр металлообработки действовал «в течение 13-12 вв., и возможно, в самом начале 11 в. до н. э.» (Дергачев 1997: 48). То есть – На А1 и возможно, начало На А2 включительно.

Стоит напомнить, что согласно В. П. Ванчугову, «Раннебелозерская культура существовала в течение 12 – первой половины 11 вв. до р. Х.»; «Раннебелозерская культура должна синхронизироваться с поздней Ноуа и Кослодженъ» (Vancigov 1996: 302). И здесь В. П. Ванчугов подразумевал и группу Балта; более того, он даже полагал, что группа Балта возникла раньше, чем вариант Тудорово (Ванчугов 1993: 38).

В последнее время предлагается даже, что первая фаза Белозерки датируется концом Br D первой половиной На А1 (Агульников 2005: 89).

Но, что интересно, мы не видим поселений культуры Белозерка вокруг мастерской Красный Маяк (Vancigov 1996: 289, abb.2). И Красный Маяк расположен ближе к ареалу группы Балта.

При этом в ареале Балта имеются находки топоров-кельтов и серпов северопричерноморских и восточнокарпатско-трансильванских типов (в том числе и литейных форм), которые использовались и в На А1. Так, два серпа типа Хелештьень, варианта Чут (по типологии В. А. Дергачева) были обнаружены в кладе Пужайково, район Балта (Дергачев, Бочкарев 2002: 250). Вариант Чут использовался в течение На А, и, возможно, На В1 отчасти (Дергачев, Бочкарев 2002: 256)). Далее, кельты типа Мындрешть производились в мастерской Красный Маяк (Dergacev 2002: 121); этот тип представлен в кладе Курячьи Лозы (клад периода Br D, согласно В. А. Дергачеву), который также обнаружен в непосредственной близости к ареалу группы Балта (Dergacev 2002: taf. 100). В этом же контексте следует упомянуть и долота типа Малые Копани (Dergacev 2002: 122, taf. 102).

Впрочем, есть еще ряд северопричерноморских и восточнокарпатско-трансильванских типов металлических изделий (Dergacev 2002: tab. 106, tab. 109, tab. 110, tab. 111, tab. 112, tab. 114, tab. 118), которые стоило бы, по крайней мере, проверить на возможную принадлежность и носителям группы Балта.

Как бы то ни было, мы, похоже, можем сказать, что представители группы Балта и Холеркань-Ханска производили и использовали некоторые северопричерноморские и восточнокарпатско-трансильванские типы серпов и кельтов. И даже не использовали никаких нижнедунайских типов кельтов и серпов.

Это наблюдение следует дополнить выводами, сделанными в свое время Е. Н. Черным. Он писал, что химический анализ металлических изделий типа Кардашинка показал, что их производители не использовали руду с Нижнего Дуная. Не обнаруживают эти изделия и какого-либо влияния с Нижнего Дуная в стиле и морфологии (Черных 1976: 188). Последнее согласуется и с мнением В. А. Дергачева (Дергачев 1997: 16).

Но при этом, «вопреки низкой продуктивности очага Кардашинка и очень слабым связям с западными соседями, мы наблюдаем проникновение кельтов типа Кардашинка на юго-запад, на территорию Северной Болгарии» (Черных 1976: 188). К этому следует добавить и находку кельта типа Кардашинка в западной Трансильвании (Дергачев 1997: 13; Dergacev 2002: taf. 101).

Помимо того, и некоторые северопричерноморские типы долот тоже свидетельствуют о влиянии из Северного Причерноморья на Нижний Дунай в течение На А (Dergacev 2002: 122, taf. 102).

Ряд других фактов, демонстрирующих влияние культуры Белозерка на Нижний Дунай, были недавно обобщены О. Г. Левицким. Керамика Белозерки, в частности, представлена на поселениях группы Тэмзоань (Левицкий 2002: 194). И здесь же хотелось бы напомнить, что в свое время В. П. Ванчугов предполагал присутствие белозерской керамики и среди находок из Сихляну (Ванчугов 1993: 96). Хотя, указывал он, достаточно скудный материал не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть это предположение. Вероятно, стоит отметить и тот факт, что влияние Белозерки сильнее чувствуется на группах Резной керамики, нежели на «каннелированном гальштате» (Левицкий 2002: 201).

Учитывая все вышесказанное, я полагаю, что вырисовывающаяся картина не позволяет заподозрить ранние группы КРШК в качестве восприимчивых традиций металлообработки Вырбицкого очага. На самом деле, похоже, что традиции Вырбицкого очага были принесены в Карпато-Днестровский регион представителями «каннелированного гальштата». Помимо того, я думаю, что анализ распространения металлических изделий подтверждает сформулированную мной ранее гипотезу происхождения КРШК Карпато-Поднестровья (Романчук 2003).

В заключение я хотел бы еще раз обратиться к вопросу о переходном звене от культуры Костиша к ранним группам КРШК. Дело в том, что совсем недавно я обратил внимание на чрезвычайно любопытный памятник - могильник Гордеевка на Южном Буге (Клочко 2003). По своему происхождению он связан с каким-то культурным импульсом из Карпатского бассейна и представляет собой уникальный по богатству памятник – очевидно, могильник элитной группы, контролировавшей торговый (прежде всего – «янтарный») путь по Южному Бугу, и судя по находкам, поддерживавшей связи даже с Восточным Средиземноморьем. И расположен он в непосредственной близости к ареалу группы Балта.

В этой связи интересно то, что кухонную керамику Гордеевки, а именно т. н. «баночные горшки», авторы раскопок связывают с тшинецко-комаровской культурной общностью. Причем они широко представлены уже в первых двух фазах развития Гордеевки: Однако, на мой взгляд, здесь прежде всего обращает на себя внимание отсутствие в первых трех фазах

Гордеевки тюльпановидных горшков. Они появляются только на четвертой, заключительной фазе, и представляют собой уже влияние Белоградской культуры, возникшей на основе Комаровской или Тшинецко-Комаровской.

Между тем, по общему мнению, именно тюльпановидные горшки являются главным отличительным признаком Комаровской и Тшинецкой культур. Поэтому их отсутствие в керамическом ансамбле Гордеевки противоречит тому, чтобы рассматривать этот могильник как составную часть Тшинецко-Комаровской культурной общности.

Кроме этого, термин «баночные горшки» - вообще, достаточно аморфен. Под ним часто имеют виду достаточно отличающиеся типы сосудов. Поэтому, если уточнять, то баночные горшки Гордеевки – это тип сосудов с почти прямыми стенками. Именно этот тип и является характерным для керамического ансамбля Костиши: кухонная керамика культуры Костиша представлена именно и исключительно прямостенными сосудами (Florescu 1970: 54, fig.1). В том числе и на поселении Борлешть, отнесенном М. Флореску к ранней фазе культуры Костиша.

В Комаровской же культуре тип прямостенных горшков возникает, видимо, под влиянием Костиши. Так, на эталонном многослойном поселении Магала в Прикарпатье среди кухонной керамики из позднекомаровского слоя имеются разновидности баночных форм, которые, по мнению Г. И. Смирновой, нельзя вывести из типов, характерных для классических комаровских памятников (Смирнова 1976: 123). Вторая из этих разновидностей представляет собой «почти прямостенные банки». Прямостенные баночные горшки присутствуют и на поселениях Комаровской культуры в Молдавии (Дергачев, Савва 1983: 66, рис.1: 17). Помимо них, исследователи этих памятников упоминают и такой вид, как «тюльпановидные баночные горшки» - интересный гибрид, с менее отогнутым венчиком и пропорциями, более близкими к баночным горшкам (Дергачев, Савва 1983: 67).

Поэтому, если кухонная керамика Гордеевского могильника представляет собой субстратное явление, то мне представляется очень возможным, что этот субстратный элемент Гордеевского могильника и маркирует собой (разумеется, он представляет собой лишь «вершину айсберга») искомое переходное звено от культуры Костиша к ранним памятникам орнаментированного гальштата. Тем более что в четвертой, заключительной фазе Гордеевского могильника широко представлены черпаки, в том числе с выступами на перегибе ручки, которые аналогичны черпакам группы Балта и вообще раннего горизонта КРШК (ср. по Ванчугов 1993).

Напомню, что ранее Л. И. Крушельницкая уже попыталась возвести истоки КРШК именно к Гордеевскому могильнику. Но, в качестве промежуточного звена предложила Непоротовскую группу Чернолесской культуры, что явно не выдерживает, как показала М. Т. Кашуба (1999), критики. Тем не менее, если исключить из этой гипотезы Непоротово, то, в свете приведенных выше наблюдений, возможно, что действительно у истоков КРШК стоит продукт гальштатизации местного субстрата Гордеевки. Но, разумеется, необходимо еще многое уточнить в этом вопросе.

Литература:

- Агульников, С. М. 2005. “Хронология и периодизация белозерских памятников Пруто-Днестровского междуречья.” *Revista arheologică, S. N., I/1: 77-91.*
- Ванчугов, В. П. 1983. “Балтская группа памятников эпохи поздней бронзы.” In *Материалы по археологии Северного Причерноморья*, edited by Г. А. Дзис-Райко, 88-101. Киев: Наукова думка
- Ванчугов, В. П. 1993. “Керамика с прочерченным орнаментом из памятников поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья.” In *Древности причерноморских степей*, edited by В. П. Ванчугов, 28-39. Киев: Наукова думка.

- Гоцев, Ал., and Т. Шалганова. 2004. “Керамический комплекс «Камен Рид», Северо-Восточная Болгария и ранний железный век восточнобалканского культурного круга.” In *Tracii și lumea circumponțică*, edited by I. T. Niculiță. 60-61. Chișinău: Reclama.
- Дергачев, В. А. 1997. *Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Норд-Понтийского региона*. Кишинев: Типография Академии Наук.
- Дергачев, В. А., Савва, Е. Н. 1983. “Раскопки комаровских поселений у с. Котяла.” In *АИМ в 1981 году*, Кишинев: Штиинца.
- Дергачев, В. А., Бочкарев, В. С. 2002. *Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы*. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа.
- Кашуба, М. Т. 1999. «Другая» чернолесская культура Среднего Днестра по Л. И. Крушельницкой. // *Stratum plus* 1999, 3: 369-389.
- Кашуба, М. Т. 2000. “Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом.” *Stratum plus* 2000, 3: 241-488.
- Клочко, В.И. 2003. “Металлические изделия Гордиевского могильника и проблемы культуorgenеза на Правобережной Украине во II тыс. до Р.Х.” Available at: <http://www.myslenedrevo.com.ua/studies/arox/2003/klochko.html>
- Левицкий, О. Г. 2002. “Раннегальштатские общности и культура Белозерка в Северном Причерноморье – о диалоге миров.” In *Северное Причерноморье: от энеолита к античности*, edited by Н. А. Кетрару, 180-205. Тирасполь: Типар.
- Романчук, А. А. 2003. “Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата.” *Stratum plus 2001-2002*, 3: 8-117.
- Романчук, А. А. 2009. “Культурно-хронологическое и генетическое соотношение ранних групп КРШК.” In «Сохранение культурного наследия в странах Европы: материалы конференции», edited by В. П. Степанов, 53-56. Кишинев: Бизнес-Элита.
- Смирнова, Г. И. 1976. “Магала I и некоторые проблемы хронологии позднекомаровской культуры в Прикарпатье.” In *Энеолит и бронзовый век Украины*. Киев: Наукова думка.
- Стоянов, Т., and К. Ников. 2003. “Спасителни сондажни проучвания на обекти от ранножелязната епоха в землището на с. Рогозиново, Харманлийско”. *Годишник на Софийския Университет “Св. Климент Охридски”. Исторически факултет. Специалност археология*. 2: 7-92.
- Черниенко, Ю. А. 1993. “Строительное дело Белозерской культуры: традиции и инновации.” In *Древности причерноморских степей*, edited by В. П. Ванчугов, 40-45. Киев: Наукова думка.
- Черных, Е. Н. 1976. *Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР*. М.: Наука.
- Черняков, И. Т. 1985. *Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н. э.* Киев: Наукова думка
- Alexandrescu, A. D. 1973. “La necropole du bronze recent de Zimnicea (dep. de Teleorman),” *Dacia, N. S.*, 17: 77-98.
- Alexandrescu, A. D. 1978. “Sepulture du premier Age du Fer a Zimnicea (dep. de Teleorman),” *Dacia, N. S.*, 22: 115-124.
- Boroffka, N. 2009. „Buchbesprechungen: V. Dergacev, *Die aneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien*. PBF XX, 9“. *Eurasia Antiqua* 2008, bd. 14: 341-346.
- Czyborra, I. 2005. [Die ältere Eisenzeit türkisch Thrakiens und ihr Verhältnis zur südosteuropäischen Urnenfelder- und Hallstattzeit.](http://en.scientificcommons.org/ina_czyborra) Available at: http://en.scientificcommons.org/ina_czyborra
- Dergacev, V. A. 2002. *Die aneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien*. PBF, Ab. 20, bd. 9. Stuttgart: Franz Steiner verlag.
- Dobrinescu, I. C. 2005. „Noi puncte de vedere privind cronologia bronzului târziu și a începutului epocii fierului în Dobrogea.” *Studii de Preistorie* 2: 203–206. Available at: <http://www.arheologie.ro/doc/sp2/Dobrinescu.pdf>

- Dobrinescu, I. C. 2008. „Bronzul târziu și începutul epocii fierului în sectorul inferior al Dunării de Jos.” PhD diss. Constanța, “Ovidius” University. Available at: <http://www.univ-ovidius.ro/stiri-si-noutati/downloads/rezumato-dobrinescu.pdf>
- Florescu, M. 1970. “Problemes de la civilisation de Costisa a la Lumiere de sondage de Borlesti.” In *Dacia*, N. S., 14:
- Gumă, M. 1995. “The end of the Bronze Age and the beginning of the Early Iron Age in South-Western Romania, Western Serbia and North-Western Bulgaria. A short review.” *Thraco-Dacica* 16: 99-137.
- Iconomu, C. 1996. “Cercetările arheologice din cetatea Pocreaca- Iași.” *Arheologia Moldovei* 19: 21-56
- Irimia, M. 2001. “Descoperiri din bronzul târziu pe teritoriul Dobrogei și unele probleme privind cultura Coslogeni”. *Thraco-Dacica* 22 (1-2): 183-196.
- Kasuba, M. 2009. „Die ältesten Fibeln im Nordpontus. Versuch einer Typologie der einfachen Violinbogenfibeln im südlichen Mittelß, Südß und Südosteuropa”. *Eurasia Antiqua* 14: 193-232.
- Krauss, R. 2006. “Indizien für Eine Mittelbronzezeit in Nordbulgarien.” *Arheologia Bulgarica* 10/3: 3-26. Available at: <http://www.ufg.uni-tuebingen.de/fileadmin/Juengere/Mitarbeiter/Krauss/Indizien.pdf>
- Laszlo, A. 1972. “O așezare halstattiană la Cozia (jud. Iași).” *Arheologia Moldovei* 7: 207-222.
- Laszlo, A. 1986. “Grupul Tămăoani. Asupra orizontului hallstattian timpuriu cu ceramica incizată din sudul Moldovei.” *Memoria Antiquitatis* 12-14: 65-91.
- Leahu, V. 1978. “Cu privire la raporturile culturii Tei cu unele culturi ale epocii Bronzului din Balcani.” *Studii și Cercetări de Istorie Veche și Arheologie* 29 (1): 43-72.
- Levițki, O. G. 1994. *Cultura Hallstattului canelat la răsărit de Carpați*. București: Institutul de Thracologie
- Levițki, O. G. 1994a. “Grupul Holercani-Hansca. Aspectul proto-nistean al complexului Hallstattian timpuriu cu ceramica incizată.” In *Relations Thraco-Illiro-Helleniques*, edited by P. Roman and I. Toma, 219-256. București: Institutul de Thracologie.
- Levițki, O. G. 2000. “Tradiții hallstatiene în producția ceramicii culturii Belozerka.” *Thraco-Dacica*, 21: 177-209.
- Lichardus, J., Iliev I., Christov, Ch. 1999. “Die Spätbronzezeitlichen „Steinstößel Zepter“ in Südostbulgarien und die Frage der nordpontischen Verbindungen zur Ägäis“. *Eurasia Antiqua* 1999, bd.5: 95-110.
- Lichardus, J., Echt, R., Iliev I., Christov, Ch. 2003. “Die Spätbronzezeit an der Unteren Tundza und die ostägäischen Verbindungen in Südostbulgarien. Mit Beiträgen W.-R. Thiele und J. C. Becker“. *Eurasia Antiqua* 2002, bd.8: 133-184.
- Morintz, S. 1978. *Contribuții arheologice la istoria tracilor timpurii*. București: Editura Academiei RSR.
- Morintz, S., Angelescu, N. 1970. “O nouă cultură a epocii bronzului în România. Cultura de tip Coslogeni.” *Studii și Cercetări de Istorie Veche* 21 (3): 373-416
- Palincaș, N. 1997. “Ceramica Zimnicea-Plovdiv de la Căscioarele.” *Studii și Cercetări de Istorie Veche și Arheologie* 48 (3): 237-254
- Petrescu-Dîmbovița, M. 1977. *Depozitele de bronzuri din România*. București: Editura Academiei RSR.
- Șadurschi, P. 1989. „Pieșe metalice din epoca bronzului descoperite pe teritoriul județului Botoșani.” *Hierasus* 7-8: 157-182.
- Ușurelu, E. 2003. “Considerații cu privire la celturile de tip Cozia-Saharna.” In *Interferențe culturale-cronologice în spațiul nord-pontic*, edited by E. Sava. 211-219. Chișinău: Institutul de arheologie și etnografie.
- Ușurelu, E. 2006. “Relațiile culturale ale comunităților bronzului târziu din spațiul Carpato-Nistean. Autoreferat al tezei de doctor în științe istorice.” PhD diss. Chișinău, Academia de știință. Available at: http://www.cnaa.md/files/theses/2006/5241/eugen_usurelu_abstract.pdf

- Vancugov, V. P. 1996. "Das Ende der Bronzezeit im nordlichen Schwarzmeergebiet. Die Belozërka-Kultur." *Eurasia Antiqua* 2: 287-310.
- Vernescu, M. 2004. „Materiale de tip Coslogeni descoperite în așezările hallstatiene timpurii din Cîmpia Brăilei.” *Istros* 11: 337-345.

Aleksey A. Romanchuk (Алексе́й А. Романчук). Senior lecturer, The University "High Anthropological School", Chisinau, Moldova, MD-2024, Zimbrului 10a. Tel.: +373 22 438 342; + 373 68133396; Fax.: +373 22 492 868. E-mail: dierevo@mail.ru , dierevo5@gmail.com